УДК 94(470.331)«16/18»:913 DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-4-22-41

Гуляева Алина Олеговна
Российский государственный архив древних актов (Россия, Москва)
ORCID: 0009-0007-9687-5088
E-mail: ardillero1720@gmail.com

Территория Кимрской дворцовой волости Кашинского уезда в XVII в. (по данным писцовых и межевых книг и поздних картографических источников)

АННОТАЦИЯ. В историографии предпринималось несколько попыток картографировать одну из наиболее значимых в Кашинском уезде Кимрскую дворцовую волость по состоянию на первую половину XVII в. (карта Ю. В. Готье 1906 г. и карта С. В. Богданова 2021 г.). Разница в подходах историков, несмотря на опору на одни и те же источники (писцовую книгу Кашинского уезда 1627–1629 гг. и писцовую и раздельную книгу Кимрской волости 1635 г.), привела к отличающимся друг от друга реконструкциям территории волости. Современное состояние источниковой базы позволяет проанализировать и дополнить эти реконструкции при помощи межевой книги Кашинского уезда 1628–1630 гг., отказных книг 1658–1660 гг., писцовой книги Кимрской волости 1674–1678 гг. и переписной книги Кашинского уезда 1677 г., а также чертежей 1690-х гг. Указанные в этих источниках топонимы были локализованы с применением ГИС на основе картографических источников XVIII–XIX вв. (ландкарты Кашинского уезда 1733 г., планов Генерального межевания 1770-х — 1810-х гг., карты А. И. Менде 1840-х гг.). Получившийся результат демонстрирует, что территория волости в XVII в.: 1) не представляла собой единого и однородного пространственного массива, имела анклавы и эксклавы, отдельные участки волости относились к различным станам; 2) с течением времени периодически сокращалась и прирастала; 3) имела условные «ядро» и «периферию», из которых «ядро» представляло собой устойчивую хозяйственную структуру, а «периферия» — совокупность поселений и пустошей, менее крепко связанных с «ядром» в рассматриваемый промежуток времени; 4) предположительно, сохраняла отдельные реликты организации хозяйства XVI в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дворцовое хозяйство, землевладение, Кашинский уезд, Кимры, административно-территориальное деление (АТД), раннее Новое время, Верхневолжье

Для цитирования: Гуляева А. О. Территория Кимрской дворцовой волости Кашинского уезда в XVII в. (по данным писцовых и межевых книг и картографических источников XVIII–XIX вв.) // Историко-географический журнал. 2025. Т. 4, № 4. С. 22–41. DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-4-22-41

Поступила в редакцию 04.08.2025
Принята к публикации 3.11.2025

© Гуляева А. О., 2025

UDC 94(470.331)«16/18»:913 DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-4-22-41

Alina O. Gulyaeva
Russian State Archive of Ancient Documents (Russia, Moscow)
ORCID: 0009-0007-9687-5088
E-mail: ardillero1720@gmail.com

The Territory of the Palace Kimry *Volost'* of the Kashin *Uyezd* in the 17th Century (According to Data from Census and Boundary Books and the Latest Cartographic Sources)

ABSTRACT. The Russian historiography saw several attempts of mapping the Kimry palatial *volost'* – one of the most important within the Kashin *uyezd* — as referred to the first half of the 17th century (maps created by Yu.V. Gauthier, 1906, and S.V. Bogdanov, 2021). In spite of guiding by the same sources (the cadasters' book of the Kashin *uyezd* of 1627–1629 and the cadasters' and allotment book of the Kimry *volost'* of 1635), the difference in approaches to them amongst historians has led to notably different reconstructions of the *volost'* area. Current condition of the source base allows analyzing and supplementing these reconstructions with the data from the land-survey book of the Kashin *uyezd* of 1628–1630, the land property rights confirmation books of 1658–1660, the cadastral book of the Kimry *volost'* of 1674–1678 and the census book of the Kashin *uyezd* of 1677, as well as some cadastral drawings from the 1690s. The toponyms mentioned in those kinds of sources were localized on a contemporary map with the aid of the Geo-Information System (GIS) on the basis of the cartographic sources of the 18th–19th centuries (the land-maps of the Kashin *uyezd* of 1733, the General Land Survey plans of the 1770s–1810s, the maps by A. I. Mende from the 1840s). A new map resulted from the combined data shows that the *volost'* territory in the 17th century (1) was not a monolithic and homogenous land mass, but included some enclaves and exclaves, as well as the distinct sections of the *volost'* belonging to the different stans (sub-districts); (2) periodically increased and decreased in size through the time; (3) had the conventionally conceived "core" and "periphery", where the "core" represents a stable economic structure while the "periphery" is a group of settlements and wastelands less strongly bound with the "core" during the 17th century; (4) supposedly, kept some remnants of the economic organization from the 16th century.

KEYWORDS: palatial household, landownership, Kashin *uyezd*, Kimry, administrative-territorial division, Early Modern Age, Upper Volga Region

For citation: Gulyaeva A. O. [The Territory of the Palace Kimry Volost' of the Kashin Uyezd in the 17th Century (According to Data from Census and Boundary Books and the Latest Cartographic Sources]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2025, vol. 4, no. 4, pp. 22–41. DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-4-22-41 (In Russian).

Received 4 August 2025
Accepted 3 November 2025

© 2025 The Author

Введение

Дворцовые вотчины являлись важнейшим элементом дворцового хозяйства в XVI — начале XVIII в. Его организация изучается отечественными историками начиная с XIX в. Отдельных вопросов фискальной политики в отношении дворцовых крестьян касались А. С. Лаппо-Данилевский и С. Б. Веселовский[1]. В начале XX в. вышел ряд специальных трудов по истории дворцового хозяйства[2]. Тогда же в одной из первых статей С. В. Бахрушина были показаны преемственность между удельным княжеским землевладением, поглотившим его великокняжеским хозяйством и более поздним дворцовым землевладением, а также наметившиеся уже в конце XV в. тенденции к кризису крупного вотчинного хозяйства в его прежнем виде и постепенному росту товарно-денежных отношений, нашедшие наиболее полное выражение к середине — второй половине XVII в.[3] С конца 1980-х гг. в работах Б. Н. Флори развивается тезис о так называемой «служебной организации» общества в Средневековой Руси, ее повторном расцвете в Российском государстве в связи с различными кризисами конца XVI–XVII вв. и окончательном распаде «служебной организации» ближе к рубежу XVII–XVIII вв.[4] Под «служебной организацией» понимается такая система, при которой государственная власть организует деятельность отдельных категорий населения для обеспечения не только собственных нужд, но и нужд всего общества в условиях недостаточно развитых товарно-денежных отношений. В отношении княжеского и — впоследствии — царского хозяйства эту концепцию восприняла группа современных историков. Причем изучению подвергаются как объединения «служебного» населения: сокольников, бортников, оружейников, каменщиков и т. д.[5], так и аграрная составляющая дворцового хозяйства[6].

К началу XVII в. география и хозяйственное значение дворцовых и черных волостей Русского государства существенно изменились в сравнении с серединой XVI в.[7] Утверждение на престоле новой династии дало толчок очередной фазе трансформации дворцового хозяйства. В пространственном измерении она выражалась в интеграции родовых вотчин бояр Романовых в систему обеспечения жизнедеятельности царского двора, государственных и придворных учреждений и частичном отторжении из нее старых дворцовых земель путем их пожалования в поместья (и реже — в вотчины) или продажи в вотчинное владение. В послесмутный период эти процессы наиболее активно протекали до 1620 г., постепенно замедляясь к середине XVII в.[8] В свою очередь, последствия хозяйственного кризиса середины XVII в. стимулировали проведение мероприятий по дополнительной реорганизации и упорядочиванию дворцового хозяйства. Для повышения эффективности этого хозяйства применялись как интенсивные, так и экстенсивные меры: разработка типового наказа приказчикам, обмен вотчинами с духовными и светскими землевладельцами, удержание «за государем» наиболее выгодных выморочных имений, сыск и своз беглых, повышение окладов, массовое заселение дворцовых пустошей (в т. ч. повторная колонизация запустевших дворцовых волостей)[9]. Все это приводило к динамичным изменениям в структуре и организации дворцового хозяйства в течение XVII в.

---

[1] Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до Эпохи преобразований. СПб., 1890; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2.

[2] Заозерский А. И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917; Кожевников М. Я. Земельные владения Дома Романовых в XVI и XVII столетиях. СПб., 1913; Гневушев А. М. Новгородский приказ в XVII веке. М., 1911.

[3] Бахрушин С. В. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 563–604.

[4] Флоря Б. Н. «Служебная организация» у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 143–145.

[5] Например: Булгаков М. Б., Барсукова А. В. Дворцовые сокольники в России в XVII веке // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия: Культура. История. Философия. Право. 2017. № 1. С. 54–65.

[6] Соколова Н. В. Нижегородская дворцовая деревня XVI–XVII веков. М., 2021.

[7] Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964. С. 19.

[8] Варенцова Л. Ю. Дворцовые земли в России в XVII в.: управление, хозяйство, правовое положение населения: дис. … д-ра ист. наук. Саранск, 2021. С. 137, 141.

[9] Соколова Н. В. «Типовой» наказ приказчику дворцовых сел эпохи Алексея Михайловича // Археографический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 407; Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 306; Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 239–240; Индова Е. И. Указ. соч. С. 19, 21; Померанцев М. С. Черты дворцового хозяйства в Дмитрове // Московский краевед. 1928. Вып. 5. С. 5, 8.

Изучение территории отдельно взятых дворцовых волостей позволяет выявить специфику и своеобразие пространственной организации дворцового землевладения в отдельных регионах и в перспективе детальнее взглянуть на характер развития дворцового хозяйства в XVII в.

Исследовательский опыт реконструкции территории Кимрской волости: подходы и результаты

Наиболее значимыми дворцовыми хозяйственными комплексами в Кашинском уезде в XVII в. являлись три волости, центры которых располагались в с. Ильинском, с. Кимры и д. Инальцево[10]. Перемены в организации царского хозяйства вполне ощутимо затронули эти земли. Так, например, известно об изменениях территории Инальцевской волости в течение XVII в.[11] Ильинская волость была дворцовым владением сравнительно короткий срок: с 1639 г. по 1645 г. и, по меньшей мере, с 1681 г. по 1684 г.[12] Кимрская волость находилась в ведении Приказа Большого дворца в периоды 1622–1635 гг. и 1665–1684 гг. (частично уже с 1660 г.) — в совокупности около трети века[13].

Интересно, что, по всей видимости, все три вышеупомянутых волостных центра до середины XVI в. являлись частью великокняжеского хозяйства[14]. В частности, дворцовое с. Кимры впервые упоминается источниками под 1546 г. — в это время здесь находился торговый и таможенный пункт в устье р. Кимрки, через который проходили товары, следовавшие вверх и вниз по течению р. Волги[15]. В период 1552–1569 гг. с. Кимры являлось частью владений кн. В. А. Старицкого[16]. На рубеже XVI–XVII вв. (между 1591 г. и 1607 г.) Кимрская волость была пожалована кн. Ф. И. Мстиславскому и после его смерти в 1622 г. снова вернулась в дворцовый фонд[17].

В настоящее время в историографии имеются две исследовательских работы, результатом которых стали картографические изображения Кимрской дворцовой волости в первой половине XVII в.

До сих пор наиболее полно размещение дворцовых земель «около 1650 г.» показано на «Карте древнего административного деления Замосковного края», представленной Ю. В. Готье[18]. Однако изображенные на ней территории являлись дворцовыми не синхронно. В пределах Тверского Поволжья можно отметить следующие детали. На карте обозначена часть дворцовых волостей, лишившихся этого статуса около 1635 г. (Кимрская волость Кашинского уезда была отдана в вотчину кн. А. М. Львову, Езжинская волость Ржевского уезда — роздана в поместья по отделу Д. Плещеева[19]), при этом отсутствует обозначение дворцового с. Дегунино в Старицком уезде

---

[10] Крестьянские челобитные XVII в.: Из собраний Государственного Исторического музея. М., 1994. С. 236; Готье Ю. В. Указ. соч. С. 566.

[11] В сторону сокращения в 1610-х гг.: Барсуков А. П. Докладная записка 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1895. Кн. 1, отд. 1. С. 17. N. В.: в тексте публикации волость ошибочно названа Ипатовской. В сторону приращения в 1680-х гг.: Гуляева А. О. Изменение границ и состава Инальцевской дворцовой конюшенной волости Кашинского уезда в XVII в. // Никольские чтения 2021–2022. М., 2023. С. 232.

[12] Насколько известно, в конце XVII в. село было разделено на «подели» между служителями Московского Архангельского собора (Крестьянские челобитные XVII в.: из собраний Государственного Исторического музея. С. 236). Однако в 1685 г. и 1709 г. Ильинское упоминается в отдельных источниках как «государево дворцовое село» (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 103. Ч. 2. Л. 42; Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Муром. Ед. хр. 11859. Л. 176–179).

[13] История форм труда в Русском государстве первой половины XVII в. М., 1988. Вып. 1. С. 115–116.; Кашинская писцовая книга 1628–1629 гг. Кимры, 2006. Вып. 1. Станы Дубенский, Пудицкий, Гостунский, Кимрская дворцовая волость. С. 165; Гуляева А. О. Материалы описания Кимрской дворцовой волости 70-х годов XVII века // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2023. Вып. 22. С. 382, 433; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Муром. Ед. хр. 11849. Л. 61–65.

[14] Гуляева А. О. Изменение границ и состава Инальцевской дворцовой конюшенной волости… С. 228; Зимин А. А. Новые документы по истории местного самоуправления в России первой половины XVI в. // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 353.

[15] Бахрушин С. В. Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 45; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1858. Т. 1. С. 212–213.

[16] Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 96.

[17] Суханов А.З. Бывшие владельцы села Кимры. Кимры, 1997. С. 11–12; Корецкий В. И. Положение в русской деревне и закрепостительное законодательство в начале XVII в. // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 62.

[18] Готье Ю. В. Указ. соч. Цветная вклейка.

[19] Кашинская писцовая книга 1628–1629 гг. Вып. 1. С. 165; РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Ржев. Ед. хр. 12449. Д. 21. Л. 7 (внутренняя фолиация; сквозная отсутствует).

(также разделено на поместья в 1634/35 г.[20]). Упомянутые историком с. Родня, с. Покровское-Бороздино и с. Мологино Старицкого уезда являлись дворцовыми в течение всего XVII в. до 1689 г.[21] Инальцевская дворцовая волость Кашинского уезда сохранялась в ведении Конюшенного приказа до конца XVII в. и позже[22]. В Тверском уезде с. Тургиново являлось старинной вотчиной бояр Романовых и было включено в состав дворцовых земель после смерти Н. И. Романова в 1654 г., а с. Городня представляло собой бывший посад (городок Вертязин) — в период с 1635 г. по 1667 г. это земельное владение принадлежало боярам Морозовым[23]. Земли в районе Николо-Ладоженского погоста и с. Погорелец в первой половине XVII в. лежали в порожних пустошах. Только в 1660-х гг. они были постепенно заселены на правах дворцовых крестьян «карельскими и литовскими выходцами»[24]. Что касается Молодотудской волости Ржевского уезда, то она прошла длительную трансформацию: в 1620-е гг. волость целиком лежала в порожних пустошах, образовавшихся на месте запустевших поместий и вотчин; в середине XVII в. здесь начали фиксироваться поселения «выходцев-белорусцев», первоначально оказавшиеся приписанными к дворцовым землям Волоколамского уезда; на рубеже 1660-х — 1670-х гг. была фактически заново сформирована Молодотудская дворцовая волость Ржевского уезда, включившая в себя фрагменты соседних волостей и уездов[25].

Как можно заметить по хронологическому разбросу, для работы Ю. В. Готье были характерны высокий уровень обобщения и своеобразный макроподход, обусловленный поставленной историком задачей: осветить жизнь неоднородного исторического центра страны в период, предшествующий радикальному изменению его значения в составе Русского государства[26]. Основными источниками в работе историка являлись переписные, писцовые и межевые книги. Они были подобраны как из уже известных в научном сообществе к концу XIX в. материалов Московского архива Министерства юстиции, так и из материалов Московского дворцового архива, комплектация которого бумагами бывшей Главной дворцовой канцелярии пришлась на последние десятилетия XIX в.[27] Последнее обстоятельство расширило источниковую базу историков начала XX в. в сравнении со старшими коллегами, дополнило их исследования новыми деталями. Так, например, А. С. Лаппо-Данилевский отнес к систематическим описаниям XVII в. писцовые кампании 1610-х гг. («когда производились дозоры»), 1620-х — 1630-х и 1680-х гг. («когда составлялись писцовые книги»), 1640-х и 1670-х гг. («когда составлялись переписные книги»)[28]. Работа с документами Московского дворцового архива, помимо прочего, позволила Ю. В. Готье выделить в качестве отдельных систематических явлений также описания дворцовых волостей 1620-х — 1630-х гг. и 1670-х — 1680-х гг.[29] Массово создававшиеся описания составили наибольшую долю в обработанной историком совокупности источников. В связи с особенностями организации каждого из описаний и особенностями сохранности их результатов в центральных архивах историк был вынужден синтезировать данные писцовых книг в нечто обобщенное, получив широкую, но лишенную должной динамики картину. Уже в начале XX в. критики считали: автор монографии излишне положился на писцовые и переписные книги, что поставило его в зависимость от их содержания и не позволило ему в полной мере уйти от недостатков источника[30].

[20] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 457. Л. 98 об.

[21] Там же. Стб. Старица. Ед. хр. 144 (39242. Ч. 2). Л. 234, 240, 262.

[22] Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Ед. хр. 1395.

[23] Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 467. Л. 11–12 об., 294; Ед. хр. 871. Л. 65 об.; Ед. хр. 970. Л. 71; Оп. 2. Ч. 1. Тверь. Ед. хр. 16061. Л. 230–235.

[24] Там же. Стб. Тверь. Ед. хр. 40766. Ч. 2. Л. 14.

[25] Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 833. Л. 419–424 об.; Стб. Ржев. Ед. хр. 34378. Л. 215–220; РГИА. Ф. 1088. Оп. 20. Ед. хр. 2, 3; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых). Л., 1981. С. 15; Гуляева А. О. Где находился «Жукоповский стан» («государева дворцовая Жукопская волость») Ржевского уезда? // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXVI Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 4–5 апреля 2024 г. М., 2024. С. 117–119.

[26] Готье Ю. В. Указ. соч. С. 177.

[27] Самошенко В. Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII — нач. XX вв.). М., 1990. С. 126.

[28] Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 192.

[29] Готье Ю. В. Указ. соч. С. 74.

[30] Веселовский С. Б. Рец. на книгу Ю. В. Готье «Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906» // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1908. Ч. 13. Февраль. С. 413–414.

Из собрания Московского архива Министерства Юстиции Ю. В. Готье были известны всего три крупных описания Кашинского уезда за XVII в.: писцовая и межевая книга 1627–1630 гг., писцовая и раздельная книга Кимрской волости 1635 г. и переписная книга 1677 г. Сохранность всех этих источников историк оценил как «посредственную»[31]. В составе Московского дворцового архива историк также выявил документ, позволивший ему сделать вывод о проведении «письма» в Инальцевской дворцовой волости в первой половине XVII в. (в действительности в деле, на которое сослался Ю. В. Готье, была упомянута копия выписи из межевой книги 1628–1630 гг.)[32]. Таким образом, в отличие от некоторых других территорий, на представленную исследователем карту в районе Кашина оказались нанесены данные о дворцовых владениях, актуальные на период только до пожалования Кимрской волости кн. А. М. Львову в 1635 г.

Кимрская дворцовая волость на карте Ю. В. Готье показана как единая территория на юге Кашинского уезда, граничившая внутри него с Гостунским, Хотческим, Белогородским, Пудицким и Дубенским станами и с Серебожским станом Переславского уезда (*рис. 1*). Изображенные на карте границы приблизительны и первоначально были начерчены «от руки» с опорой на расположение крупных водоемов и поселений.

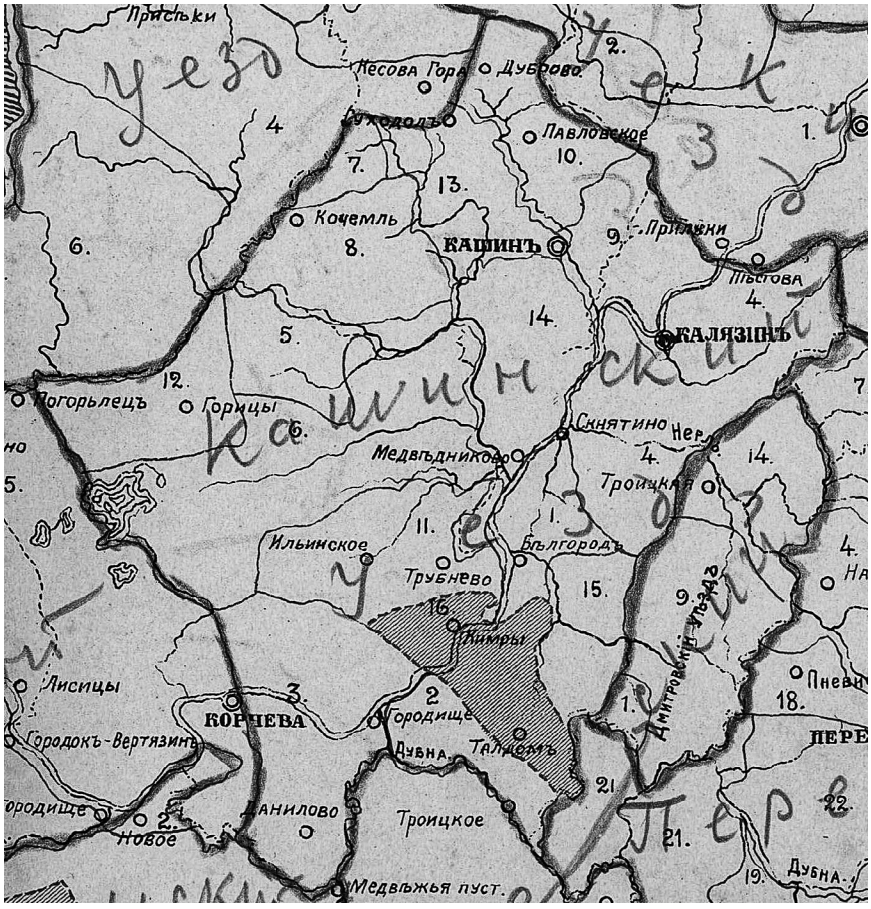

Рис. 1. Территория Кашинского уезда с обозначением Кимрской дворцовой волости «около 1650 г.» (Готье Ю. В., 1906)
Fig. 1. The territory of the Kashin *uyezd* with the designation of the Kimry *volost'* «circa 1650» (Gauthier Yu.V., 1906)

Источник: Государственный исторический музей (Москва): офиц. сайт. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2830950 (дата обращения: 01.09.2025)

[31] Готье Ю. В. Указ. соч. С. 51.
[32] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Ед. хр. 3609. Л. 44 об. (ср.: Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Ед. хр. 1395. Л. 4–22).

Ко второму изданию работы Ю. В. Готье в 1937 г. карта была переработана в соответствии с новыми советскими стандартами картографии, что проявилось в генерализации изображения, смене цветового решения, переводе значений масштабной линейки в метрическую систему и т. д.[33] Кроме того, были уменьшены формат и масштаб карты. В результате карта стала проще для чтения, но потеряла свою подробность. Конфигурация интересующих нас объектов по сравнению с дореволюционной версией фактически не изменилась[34].

Другая реконструкция южной части Кашинского уезда была подготовлена современным тверским исследователем С. В. Богдановым[35], чей метод и подход заметно отличаются от тех, которые применял Ю. В. Готье в начале прошлого столетия. Данная работа имеет значительно более узкие географические и хронологические рамки. В основу ее положена методика локализации топонимов писцовых книг, предложенная в середине XX в. М. В. Витовым и принятая группой современных историков и археологов, обратившихся к средствам компьютерной картографии и геоинформационным системам (ГИС)[36]. Благодаря использованию этой методики локализованные С. В. Богдановым точки получили точную географическую привязку, при этом сплошная локализация населенных пунктов XVII в. позволила исследователю скорректировать границы уезда, предложенные Ю. В. Готье, и выявить расположение ряда поселений Кимрской волости на территории к северу от обозначенной предшественником.

Источниковой базой для работы С. В. Богданова стали опубликованные к моменту подготовки статьи материалы, удобные для компьютерной обработки[37].

Реконструкция С. В. Богданова отличается от работы Ю. В. Готье точечной фокусировкой на изучаемой территории (Гостунский, Дубенский, Пудицкий станы и Кимрская волость) в строго очерченный промежуток времени (завершившаяся «первая четверть XVII в.» по данным 1627–1635 гг.). Наибольшее внимание историком уделено методике работы с базами данных и информационными системами, а также структуре и внутренней типологии поместий и вотчин на основании явной информации, содержащейся в писцовых книгах, и гораздо меньшее — вопросам полноты, сохранности основных источников, их соотношения друг с другом или с другими источниками. По всей видимости, к работе над реконструкцией не были привлечены неопубликованные источники. Нисколько не критикуя автора за этот подход, отметим его как важнейшую особенность работы С. В. Богданова, которую можно охарактеризовать как снимок с картографированных историком опубликованных фрагментов источников.

Изображение Кимрской волости на карте С. В. Богданова резко отличается от реконструкции Ю. В. Готье: от центра волости она оказалась вытянута не на юг, а на север, захватывая территории, граничившие не только с землями Гостунского, Хотческого, Пудицкого и Дубенского станов, но и со всей протяженностью Белогородского стана и на отдельном участке — с Большой слободой Задубровской (*рис. 2*). При этом площадь волости на карте С. В. Богданова показана значительно меньшей, чем это передал Ю. В. Готье. Общими чертами обеих реконструкций можно назвать представление дворцовой волости в качестве единого земельного массива.

---

[33] Ср.: Комков А. М. Успехи советской картографии за 30 лет // Вопросы географии. М., 1949. Вып. 11. Картография. С. 10, 13, 19, 33, 37.

[34] Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Изд. 2-е. М., 1937. Карта.

[35] Богданов С. В. Кашинский уезд в первой четверти XVII века: территория // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 4 (60). С. 114–127.

[36] Витов М. В. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. М., 1956. [Вып.] 5. С. 231–264; Селин А. А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв.: Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003; Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли XV в. СПб., 2008 и др.

[37] Богданов С. В. Указ. соч. С. 118.

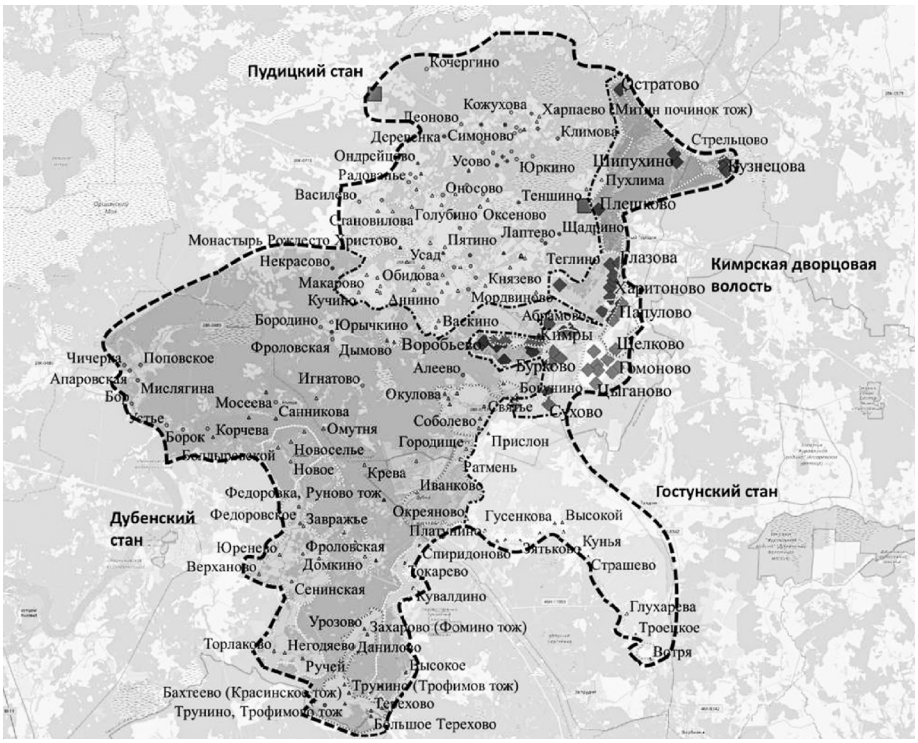

Рис. 2. Территория Гостунского, Дубенского и Пудицкого станов Кашинского уезда с обозначением Кимрской дворцовой волости по опубликованным данным писцовой книги 1627–1629 гг. и писцовой и раздельной книги 1635 г. (Богданов С. В., 2021)

Fig. 2. The territory of the Gostunsky, Dubensky and Puditsky *stan* of the Kashinsky *uyezd* with the designation of the Kimry *volost'* according to the partly published cadastre book of 1627–1629 and the cadastre and division book of 1635 (Bogdanov S. V., 2021)

Источник: Богданов С. В. Кашинский уезд в первой четверти XVII века: территория // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 4 (60). С. 120

Современное состояние источниковой базы по исторической географии Кашинского уезда: краткий обзор

С развитием архивного дела и исторической науки постепенно расширяется как историографическая, так и источниковая база по исторической географии Кашинского уезда.

На сегодняшний день в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), собравшего в себе материалы Московского главного архива Министерства иностранных дел, Московского архива Министерства юстиции, Московского дворцового архива и ряда других архивов, выявлены результаты всех систематических писцовых описаний Кашинского уезда, начиная со второй четверти XVII в. Как показано в табл. 1, помимо заведомой неполноты каждой отдельной писцовой книги, большинство этих источников отличаются также неполной сохранностью.

Таблица 1

Результаты систематических писцовых описаний Кашинского уезда за 1627–1686 гг. в фондах РГАДА

Table 1

Results of systematic census and cadastral descriptions of the Kashin uezd for the years 1627–1686 in the funds of the Russian State Archive of Ancient Documents

Название источника	Шифр	Примечание
Писцовая книга Кашинского уезда 1627–1629 гг. письма П. Бестужева и подьячего Д. Брянцова	Подлинник: Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 173, 173 а; Списки: Ед. хр. 650–664	Не содержит сведений о дворцовых владениях

Межевая книга Кашинского уезда 1628–1630 гг. письма и межевания П. Бестужева и подьячего Д. Брянцова	Списки: Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 11831, 666, 668	Содержит фрагментарные описания общих границ дворцовых волостей с поместьями и вотчинами
Писцовая и раздельная книга Кимрской волости 1635 г. письма А. Загряжского и подьячего Д. Минчакова	Подлинник: Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 173 а. Л. 1648–1705 об.; Список: Ед. хр. 664. Л. 39–76 об.	Сохранилась без окончания
Переписная книга Кашинского уезда 1646 г. переписи Г. Юшкова и подьячего К. Семенова	Список: Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 104. Выписи: Ф. 137. Оп. 1. Галич. Ед. хр. 12. Л. 174–208; Ф. 1239. Оп. 2. Ед. хр. 1395. Л. 1–3 об.; Ф. 281. Оп. 12. Ед. хр. 6826 и др.	Сохранилась фрагментарно
Писцовая и межевая книга Кимрской волости 1674–1678 гг. письма А. Чепчугова, Ф. Изъединова и подьячего Ф. Бишова	Списки с выписи: Ф. 1209. ДСЛ. Муром. Ед. хр. 11932. Л. 254–312; ДМЛ. Муром. Ед. хр. 11987. Л. 347–400 об.	Сохранилась в формате выписи, без начальных статей описания
Переписная книга Кашинского уезда 1677 г. переписи П. Боборыкина и подьячего И. Палицына	Список: Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 11837	Не содержит сведений о дворцовых владениях
Межевая книга 1683 г. межевания И. Квашнина и подьячего З. Прокофьева	Подлинник: Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 5069. Л. 42	Сохранилась только информация о получении межевщиком наказа
Писцовая и межевая книга 1684–1686 гг. письма И. Квашнина и подьячего Ф. Чернцова	Подлинники: Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 281. Л. 134–140; Ед. хр. 282. Л. 433–449 об.; Ед. хр. 5071. Л. 423–477 об.; Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 268. Ч. 107. Л. 1–15 об.; Оп. 2. Ч. 1. Муром. Ед. хр. 11860. Л. 261–271 об.; Ф. 159. Оп. 4. Ед. хр. 410 и др.	Сохранилась в формате делопроизводственных материалов, выявленные фрагменты не содержат сведений о дворцовых волостях

С точки зрения реконструкции территории вокруг с. Кимры наибольший интерес представляют писцовые книги Кимрской волости 1635 г.[38] и 1674–1678 гг.[39] Важнейшая особенность писцовой и раздельной книги 1635 г. заключается в том, что она сохранилась не в полном объеме: в подлиннике XVII в. и в списке XVIII в. утрачено окончание перечня пустошей, отделенных в пользу Приказа Большого дворца после пожалования волости в вотчину дворецкому кн. А. М. Львову. В книге содержится описание вотчины дворецкого, а также указаны отдельные межевые признаки. Писцовая и межевая книга 1674–1678 гг. дошла до нас в виде копии с выписи, в которой отсутствует описание хозяйственно-административной части волостного центра и церквей. Преимуществом этого документа можно назвать наличие межевой части, значительно подробнее писцовой книги 1635 г. описывающей пространственную организацию волости и ее взаиморасположение с соседями. Вероятно, межевая часть книги была приведена в выписи с минимальными изменениями и так же воспроизведена в копии. Однако — что вообще характерно для межевых книг XVII в. — границы дворцовой волости с соседями были описаны в ней неравномерно.

Вторую линию важнейших массовых источников представляют материалы валовых описаний и переписей. Малый территориальный охват и неоднородность сохранившихся описаний

[38] Опубл.: Кашинская писцовая книга 1628–1629 гг. Вып. 1. С. 161–200.

[39] Опубл.: Гуляева А. О. Материалы описания Кимрской дворцовой волости... С. 396–515.

1640-х гг. и 1680-х гг. по Кашинскому уезду позволяют выделить в качестве наиболее перспективных материалы первого валового письма 1620-х — 1630-х гг.[40] и переписи 1670-х гг.[41] Несмотря на неполноту с географической точки зрения (ограничения основаны как на различии приказной подведомственности земель внутри уезда, так, например, и на том, что перепись 1670-х гг. учитывала преимущественно крестьян, а не поселения или земельные владения), эти описания имеют широкий территориальный охват и позволяют исключить отдельные участки как не принадлежавшие дворцовому ведомству в момент их составления.

Критически подойти к информации писцовых и переписных книг позволяют относительно систематизированные по географическому и хронологическому принципам отказные книги Поместного приказа[42], которые требуют еще серьезной обработки.

В небольшом количестве сохранились чертежи, выделенные в РГАДА из приказных столбцов. Среди них два изображают земли по границе Кашинского и Дмитровского уездов и земли в районе д. Великий двор. Чертежи были составлены в Поместном приказе в 1691 г. и 1694 г.[43]

Полноценные картографические источники сохранились по Кашинскому уезду с первой половины XVIII в. К ним относится ландкарта 1733 г.[44], отличающаяся невысокой точностью и небольшой подробностью, но сохранившая изображение границ уезда начала века и обозначение некоторых утраченных впоследствии поселений. Более детальны материалы Генерального межевания (в том числе уездные планы[45]) и основанные на них, но заметно уточненные материалы Атласа А. И. Менде 1848–1849 гг.[46] Полезную ретроспективную информацию содержат материалы спорных дел XVIII–XIX вв., отложившихся в Межевой и Вотчинной канцеляриях. Среди них были выявлены дела о спорах крестьян с. Богунино с крестьянами с. Кимры, подтверждающие актуальность границ Кимрской волости, установившихся в конце XVII в., на вторую половину XVIII в. (во всяком случае, ко времени пожалования волости графине А. К. Воронцовой в 1762 г.)[47].

Реконструкция территории Кимрской волости по данным второй половины XVII — XVIII в.

Ввиду выявления материалов, позволяющих реконструировать территорию Кимрской волости во второй половине XVII в., нами была проведена работа по созданию ГИС на базе программы QGIS с осуществлением привязки к современной карте картографических источников XVIII–XIX вв. Полученная основа была использована для локализации топонимов писцовой и межевой книги 1674–1678 гг. — как внутри Кимрской волости, так и за ее пределами (*рис. 3*). При этом внутри волости было локализовано 62 из 70 (89 %) жилых поселений, а вот многочисленные пустоши (более полутора сотен топонимов) остались почти не локализованными, за исключением выделенных в период Генерального межевания в отдельные дачи — названия и расположение таких объектов определялись по Экономическим примечаниям[48].

Уже на этом этапе обнаружилось, что локализованные точки внешних и внутренних по отношению к волости топонимов не образуют явного контура, а перемежаются между собой. Наиболее заметные «гнезда» поселений дворцовой волости располагались вдоль течения р. Волги, р. Кимрки и на р. Печухте (Печухне).

Поскольку во второй половине XVIII в. писцовая книга 1674–1678 гг. по-прежнему считалась наиболее надежной крепостью с перечнем деревень и пустошей Кимрской волости, можно предварительно допустить, что границы ее мало изменились к 1775–1787 гг. (хотя, конечно, это

---

[40] Опубл. фрагментарно: Кашинская писцовая книга 1628–1629 гг. Вып. 1. С. 7–160; Вып. 2. Станы Большая Задубровская слобода, Малая Задубровская слобода, Середецкий, Чудский, Белогородский, Хотченский. Кимры, 2025; не опубл. часть: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 651–656.

[41] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 11837.

[42] Отказные книги по Кашинскому уезду отложились в разделе: Там же. Оп. 2. Ч. 1. Муром.

[43] Там же. Ф. 1209. Оп. 77. Стб. Муром. Ед. хр. 36466. Л. 121–122; Ед. хр. 37090. Л. 92.

[44] НИОР БАН. Карт. осн. собр. 465. (М. 1:210000).

[45] РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 5972–5987 (после 1775 г. территория старого Кашинского уезда была разделена, за небольшими исключениями, между Кашинским, Калязинским и Корчевским уездами Тверской губернии).

[46] Менде А. И. Топографический межевой атлас Тверской губернии. М., 1853. (М. 1:84000).

[47] РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Муром. Ед. хр. 11987. Л. 342–420; Ф. 1341. Оп. 2. Ед. хр. 5947.

[48] Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1697, 1701, 1707.

допущение еще требует конкретизации и уточнений). Очертания дач, принадлежавших в период Генерального межевания графине А. К. Воронцовой, весьма органично ложатся на карте на локализованные топонимы писцовой книги Кимрской волости 1674–1678 гг. (*рис. 4*). Чертежи 1690-х гг. подтверждают расположение пустошей Кимрской волости вблизи архиерейской д. Великий двор и монастырской вотчины с центром в с. Зятьково Гостунского стана (см. цв. вклейку, *рис. 3, 4*), что также совпадает с позднейшей границей волости.

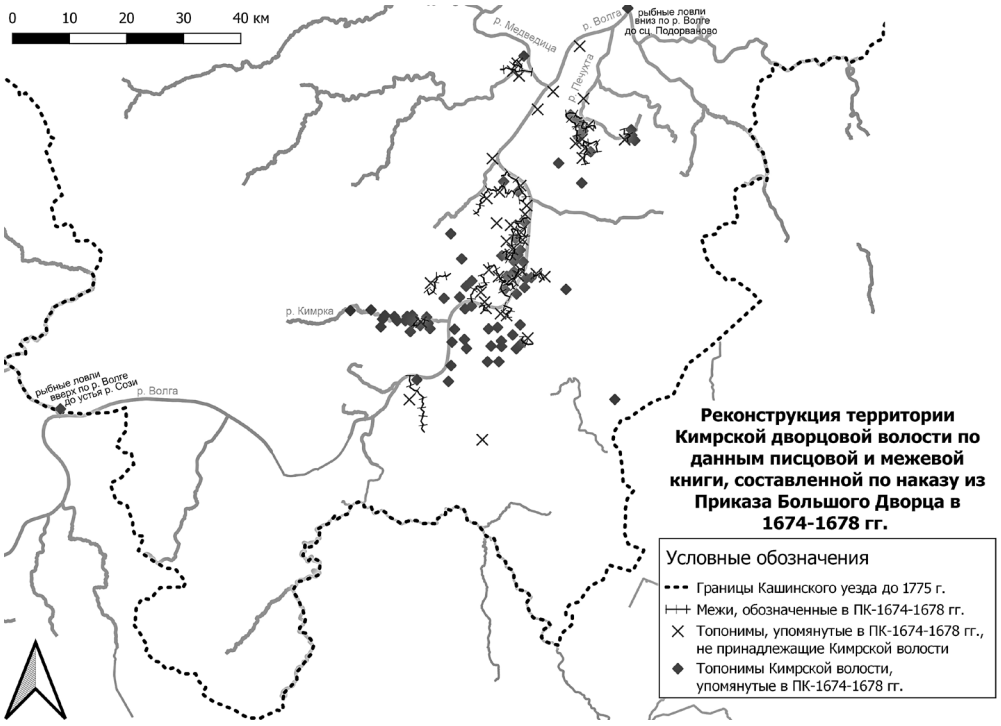

Рис. 3. Результаты локализации топонимов писцовой и межевой книги 1674–1678 гг.
Fig. 3. Localized toponyms of the scrible and cadastre book of 1674–1678

На базе созданной ГИС были выборочно локализованы топонимы переписной книги Кашинского уезда 1677 г. Отбор осуществлялся по принципу принадлежности их к поместьям и вотчинам в одном из шести станов, земли которых граничили с дворцовой волостью (по С. В. Богданову). Из 425 отобранных топонимов было локализовано 76 %. Дополнительно на карте были отмечены дачи, к которым эти топонимы относились в период Генерального межевания: несмотря на то, что границы владений изменялись, этот способ визуализации позволяет составить приблизительное представление о том, какие территории не относились к дворцовой волости в последней четверти XVII в. (*рис. 4*). Можно заметить наличие на полученной карте значительных «белых пятен» к востоку от дворцовых земель в Белогородском и Хотческом станах — это объясняется большим количеством пустошей в этих районах.

Кимрская волость была дворцовой с 1660–1665 гг. по 1684 г. При этом в 1674 г. в пользу жены дворецкого Б. М. Хитрово из нее была отторгнута часть земель, ранее приобретенная из пустошей кн. Львовыми — д. Квашенки с деревнями и пустошами[49]. Несколько раз возникали ситуации, потенциально угрожавшие расколоть волость на более мелкие образования. В 1665 г. архиепископу Тверскому и Кашинскому Иоасафу был выделен на оброк участок рыбных ловель в р. Волге от устья р. Сози до архиепископской вотчины, в силу удаленности и неудобства слабо использовавшийся кимрскими ловцами (при наведении справок они не смогли оценить улов на этом отрезке и сообщили, что зимой лова на нем не ведут совсем)[50]. В период 1647–1665 гг.

[49] Там же. Ф. 1209. Оп. 85. Ед. хр. 192. Л. 473 об.–474.
[50] Там же. Ф. 281. Оп. 18. Ед. хр. 12659.

волость была разделена между несколькими владельцами, хотя формально и не была размежевана[51]. Некоторые ранее отделенные от волости пустоши были приобретены кн. А. М. Львовым после пожалования ему вотчины в 1635 г.[52]

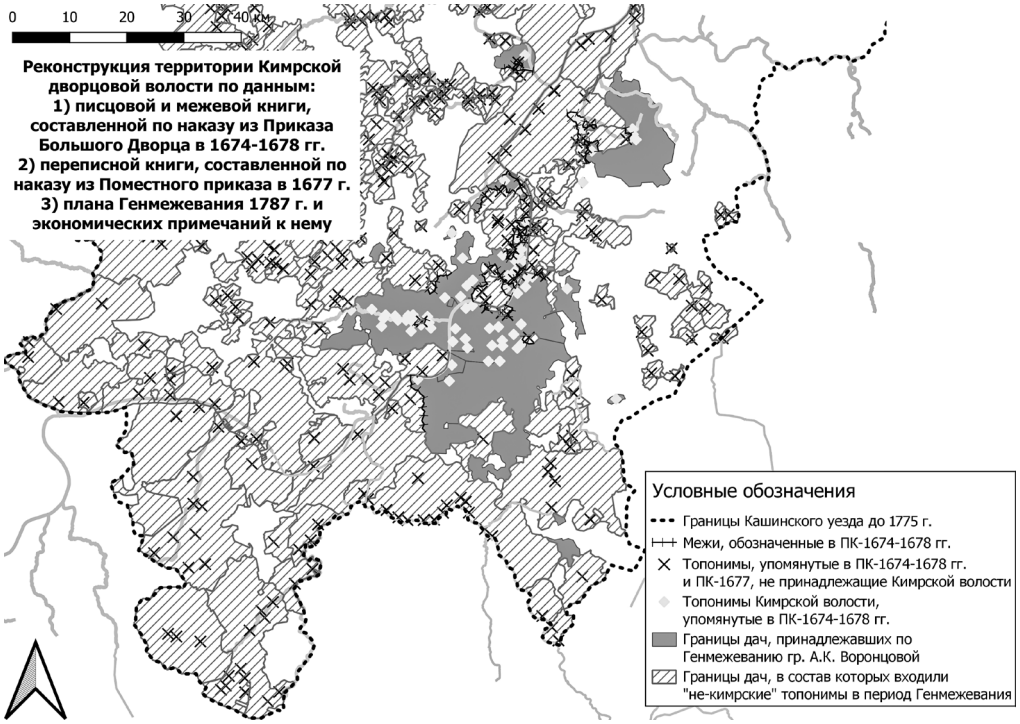

Рис. 4. Результаты локализации топонимов писцовой и межевой книги 1674–1678 гг., переписной книги 1677 г., сопоставленные со структурой дач Генерального межевания
Fig. 4. Localized toponyms of the scrible and cadastre book of 1674–1678 and the census book of 1677, compared with the structure of lots of the General Land Survey

Частично изменения территории волости можно отследить благодаря отказным книгам[53]. Две из них зафиксировали передачу 21 ноября 1658 г. и 9 февраля 1660 г. отдельных жеребьев Кимрской волости, которыми владели племянники дворецкого боярина кн. А. М. Львова — кн. С. П. Львов и кн. В. П. Львов, их наследникам — а в конечном счете передачу к 1660 г. трех четвертей волости во владение кн. М. В. Львову и еще одной четверти — кн. Д. П. Львову (после его смерти в 1660 г. она была отписана «на государя»; в 1665 г. оставшиеся три четверти были выменяны у кн. М. В. Львова в пользу Приказа Большого дворца[54]). Отказные книги сохранили полное описание волости незадолго перед возвращением ее в дворцовое ведомство. Материалы этих источников были нанесены на карту по аналогии с материалами писцовой и межевой книги 1674–1678 гг. (*рис. 5*). При сравнении полученных карт можно отметить, что после возвращения волости в число дворцовых ее территория несколько сократилась — в основном за счет приобретений кн. Львовых сверх пожалованной вотчины.

Отказные книги содержат и другую любопытную подробность. Если переписная книга 1646 г. относит Кимрскую волость к Пудицкому и Дубенскому станам (по расположению волостного центра — по обоим берегам р. Кимрки)[55], то в тексте отказных книг Кимрская волость определена как составная часть Хотческого стана (большая часть волости действительно располагалась

[51] Кашинская писцовая книга 1628–1629 гг. Вып. 1. С. 162; РГАДА. Ф. 233. Ед. хр. 90. 241–241 об.; Ед. хр. 96. Л. 4.
[52] Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование СПб., 2018. Т. 2. С. 395.
[53] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Муром. Ед. хр. 11854. Л. 1041–1066, 1113–1145а.
[54] Там же. ДМЛ. Галич. Ед. хр. 7384. Л. 26, 28 об.
[55] Там же. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 104. Л. 630.

на правом берегу р. Волги)[56]. В других аналогичных документах, при оформлении которых в качестве «окольних людей» были привлечены крестьяне Кимрской волости, обнаруживаем жителей «Кашинского уезду Пудицкого стану великого государя дворцового четверти села Кимры», «Хотецкого стану села Кимры деревни Толстикова», «Гостунского стану великого государя дворцовой волости села Кимры деревни Замятнина, деревни Щолкова», «Хотческого стана и Белогородского великого государя дворцового села Кимры деревни Шипухина» и т. д.[57] Таким образом, дворцовая волость не являлась административно-территориальной единицей наравне со станами, а представляла собой хозяйственный комплекс, отдельные части которого относились к различным станам Кашинского уезда.

В целом полученные реконструкции по данным второй половины XVII–XVIII вв. отличаются от конфигураций волости, предложенных по материалам 1627–1635 гг. Ю. В. Готье и С. В. Богдановым. Причем важнейшей чертой пространственной организации волости, бросающейся в глаза при сопоставлении данных отказных книг 1658–1660 гг., писцовой книги 1674–1678 гг., переписной книги 1677 г. и материалов Генерального межевания XVIII в., является ее дискрет-

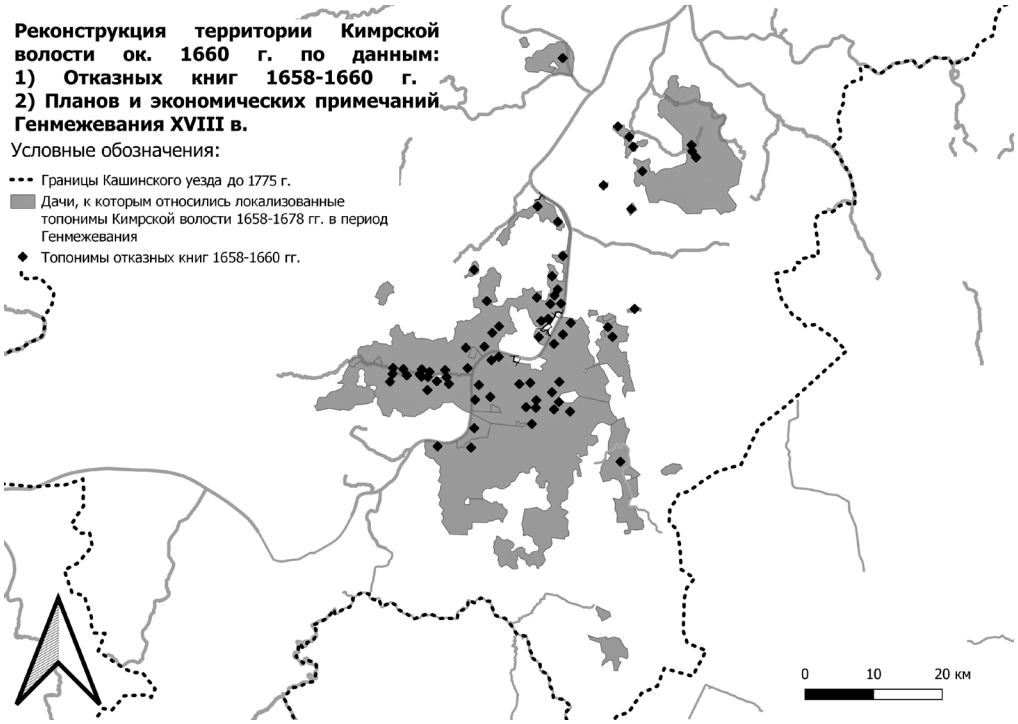

Рис. 5. Реконструкция территории Кимрской волости в период около 1660 г. по материалам Генерального межевания (ретроспективно) и отказных книг 1658–1660 гг.
Fig. 5. Reconstruction of the territory of the Kimry *volost'* about 1660 based on the materials of the General Land Survey (retrospectively) and on the landed property right confirmation books of 1658–1660

ность.

Ретроспективное картографирование территории Кимрской волости в первой половине XVII в.: результаты корректировки с учетом новых материалов

При помощи основанной на источниках XVIII–XIX вв. ГИС были повторно локализованы поселения Кимрской дворцовой волости по писцовой и раздельной книге 1635 г. (результаты совпали с итогами работы С. В. Богданова, что позволило определить полученную историком конфигурацию как очертание «ойкумены» дворцовой волости, ср. *рис. 2* и *рис. 6*). При этом большая

[56] Там же. Оп. 2. Ч. 1. Муром. Ед. хр. 11854. Л. 1041 об., 1114.
[57] Там же. Ед. хр. 11849. Л. 61–65, 131; Ед. хр. 11856. Л. 654–659; Ед. хр. 11857. Л. 331–336.

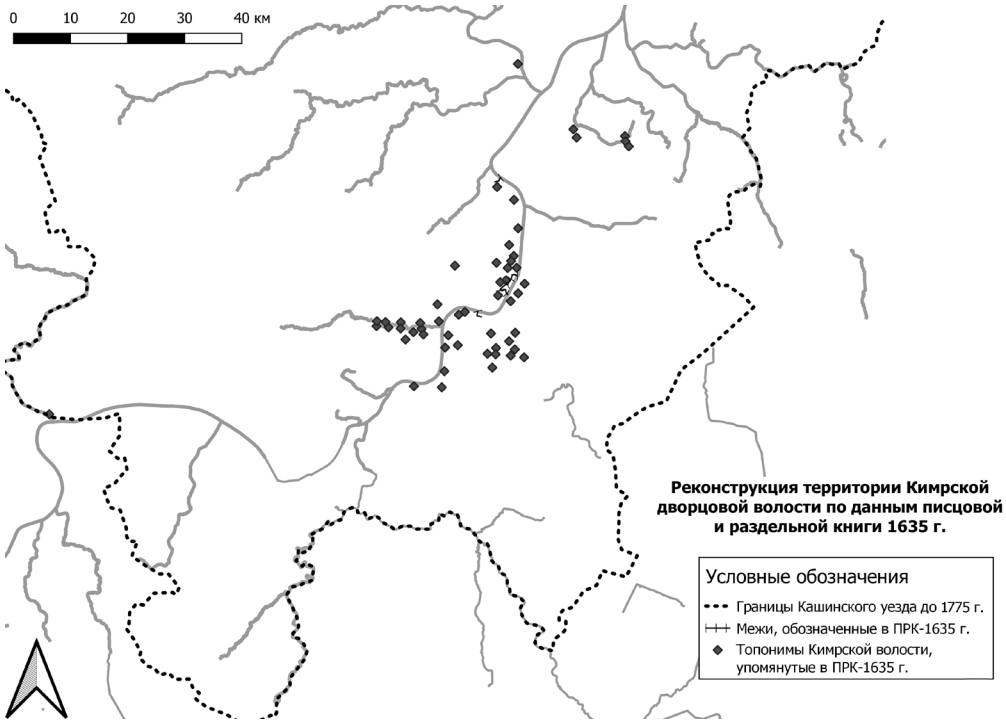

Рис. 6. Результаты локализации топонимов писцовой и раздельной книги 1635 г.
Fig. 6. Localized toponyms of the cadastre and division book of 1635

часть бывших дворцовых пустошей осталась нелокализованной и оказалась временно вынесена за скобки.

Для того, чтобы примерно представить себе территорию, на которой могли размещаться дворцовые пустоши, выделенные из Кимрской волости при ее пожаловании кн. А. М. Львову в 1635 г., были предприняты меры по картографированию владельческих и порожних земель шести станов Кашинского уезда по писцовой книге 1627–1629 гг., включая часть отдельно стоящих пустошей. Для того же, чтобы определить, какая часть территории уезда оказалась совсем не охвачена сохранившимися описаниями, были отмечены дачи, к которым относились локализованные топонимы источников XVII в. в период Генерального межевания.

Очевидно, что не все пустоши, не попавшие под описание 1627–1629 гг., являлись дворцовыми: часть могла относиться к категории «прописных» (пропущенных писцами). В частности, в материалах Грамот Коллегии экономии был выявлен документ 1672 г. с перечнем прописных пустошей местных духовных землевладельцев[58]. Несмотря на то, что сплошная их локализация затруднена, отдельные топонимы (например Великий двор в Гостунском стане) могут быть без труда обнаружены даже на современной карте.

В результате работы была получена карта, демонстрирующая высокую степень совпадения западных границ дворцовой волости в 1627–1629 гг. с ее более поздними конфигурациями. Причем сохранилась и характерная организация пространства волости с многочисленными анклавами и эксклавами. Поскольку известно, что при передаче кн. А. М. Львову волость была разделена пополам (800 четвертей отошло новому владельцу, а 800 четвертей пустошей было отписано «на государя»[59]), полученная карта позволяет заключить, что поместить такие объемы земли возможно только к востоку — юго-востоку от позднейших границ Кимрской волости, где по итогам локализации топонимов писцовых книг образовалась значительная «слепая зона», состоящая из не описанных писцами пустошей (*рис. 7*).

С целью определения, какие из «белых пятен» теоретически могли относиться к числу дворцовых пустошей, к работе был привлечен текст межевой книги Кашинского уезда 1628–1630 гг.

[58] Там же. Ф. 281. Оп. 12. Ед. хр. 6846.

[59] Кашинская писцовая книга 1628–1629 гг. Вып. 1. С. 165.

В результате были выявлены несколько фрагментов описаний границ Кимрской волости

с поместными и вотчинными землями четырех станов: Гостунского (межа с. Зятьково с соседями), Пудицкого (межа с. Ильинского с соседями), Дубенского (межа с. Богунино с дворцовым с. Кимры) и Белогородского (межа с. Пухлемского с соседями и межа с. Каюрово с дворцовым с. Кимры)[60]. В отрывке межевой книги по Гостунскому стану содержится описание фрагмента межи, проходившей вблизи юго-восточной границы уезда (*рис. 8*). Описание незначительно выходит за пределы территории, изображенной на чертеже 1691 г. (см. цв. вклейку, *рис. 3*), и содержит глухие указания на то, что за северной границей вотчины Московского Вознесенского монастыря находились «государевы пустошные земли» (упоминаются дороги, проложенные к пустоши Носковой, пустоши Подели, пустоши, что было селом, Талдом). Отсюда до границы с Серебожским станом Переславского уезда Ю. В. Готье уверенно протянул пустоши Кимрской волости. Несмотря на то, что это решение кажется логичным, прямого указания на принадлежность юго-восточных пустошей Кимрской дворцовой волости сама Кашинская межевая книга

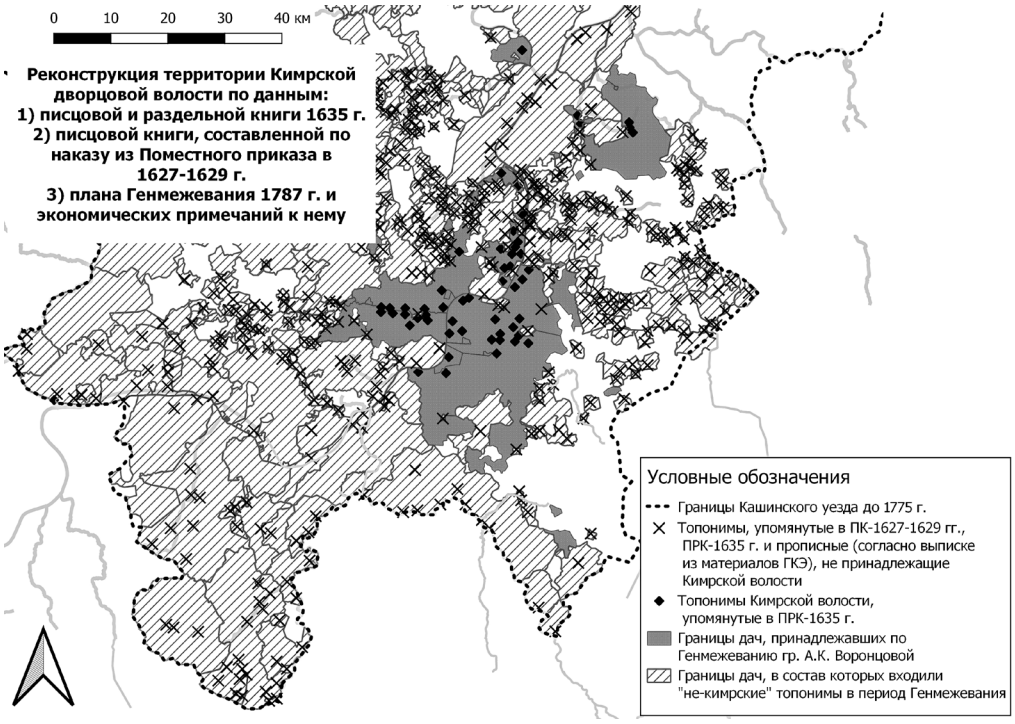

Рис. 7. Результаты локализации топонимов писцовой и раздельной книги 1635 г., писцовой книги 1627–1629 гг., сопоставленные с размещением дач Генерального межевания
Fig. 7. Localized toponyms of the cadastre and division book of 1635, the cadastre book of 1627–1629, compared with the location of lots of the General Land Survey

не содержит. Впервые описания этих пустошей в качестве порожних земель были встречены нами в описных и мерных книгах 1638–1650 гг.[61]

Если допустить корректность предположения Ю. В. Готье, то, с учетом всей вновь выявленной информации о позднейшей территории дворцовой волости и юго-восточных пустошах Кашинского уезда в первой половине XVII в., получим картину, представляющую собой нечто среднее между реконструкциями Ю. В. Готье и С. В. Богданова (*рис. 11*).

Какие наблюдения позволяют сделать полученные результаты?

1. Запустевшими и отколотыми от волости в первой половине XVII в. оказались преимущественно наиболее удаленные от р. Волги и от волостного центра территории на юге уезда (назо-

[60] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 668. Л. 102–103, 144–147; Ед. хр. 11831. Л. 116 об.–140, 366–376 об.
[61] Там же. Оп. 2. Ч. 1. Муром. Ед. хр. 11852. Л. 399–404; Ед. хр. 11853. Л. 940–945.

вем их «периферией»). Малоиспользуемые речные участки оставались привязаны к волости дольше земельных — известия об их отторжении или ослаблении хозяйственных связей с ними относятся приблизительно к середине XVII в. (не ранее 1635 г. — не позднее 1665 г.). Сохранившиеся сведения дают возможность назвать крупную реку основой хозяйства села и волости, специализацией которых являлись рыбная ловля, ремесло, торговля и контроль транспорти-

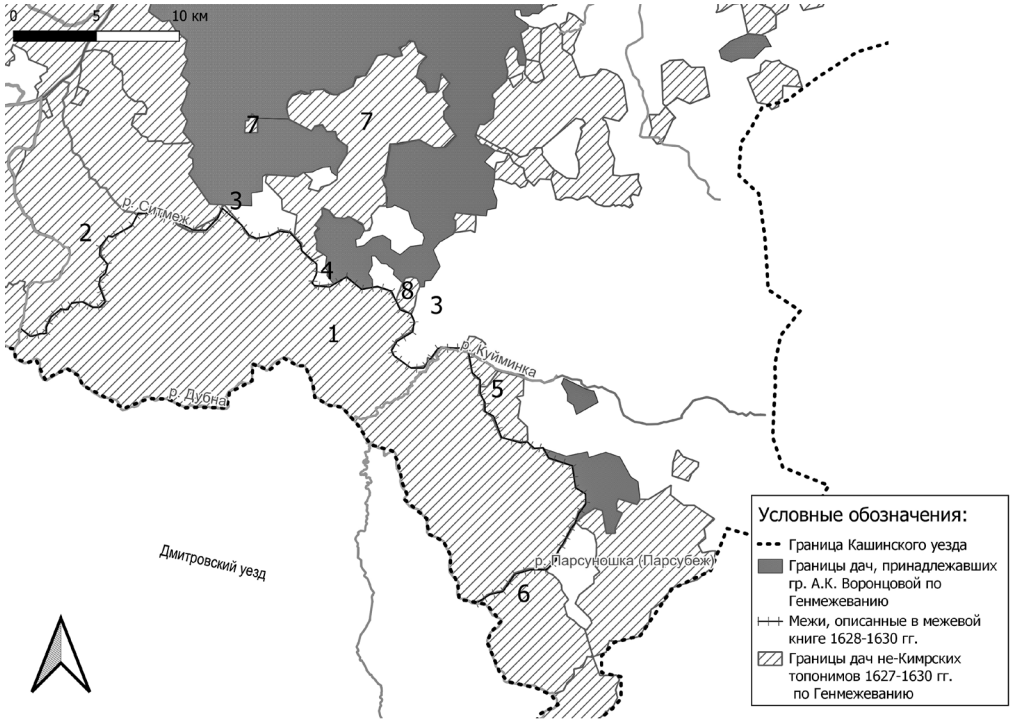

Рис. 8. План описания межи вотчины Московского Вознесенского монастыря в Гостунском стане по межевой книге 1628–1630 гг. с дополнениями по позднейшей выписке из материалов ГКЭ
Fig. 8. Boundary plan of the patrimony of the Moscow Ascension Monastery in Gostunsky *Stan* according to the boundary book of 1628–1630 with additions according to a later extract from the materials of the Acts of the College of Economy

Цифрами обозначены: 1 — вотчина Московского Вознесенского монастыря с. Зятьково с деревнями и пустошами; 2 — вотчина кн. А. Мосальского; 3 — «государевы пустошные земли» (упоминаются Кимрская, Носковская, Подельская, Талдомская дороги); 4 — мох; 5 — порожние пустоши (упоминаются «Манасковская» и Истоминская дороги); 6 — вотчина А. Шапилова; 7 — прописные пустоши бывшего Марфина монастыря, что в Твери на Волге (уничтожен в 1609 г.); 8 — пустошь Красная владения Тверского Перемерского монастыря (?)

ровки товаров по Волжскому пути[62]. На полученных картах заметно также «ядро», сохранявшее свою принадлежность к волости в течение XVII–XVIII вв.

2. На протяжении XVII в. волости принадлежали рыбные ловли по всему течению р. Волги от устья р. Сози до устья р. Нерли, в начале XVII в. ловли тянулись до устья р. Кашинки[63]. Карта позволяет увидеть, что рыболовные угодья Кимрской волости даже в конце XVII в. занимали более двух третей (~170 км) всего течения р. Волги в уезде (~250 км), а ранее — более трех четвертей (~200 км).

3. Пространство волости не характеризовалось единством территории ни в первой, ни во второй половине XVII в. Поселения располагались своеобразными «гнездами». Крупнейшие эксклавы

[62] Кашинская писцовая книга 1628–1629 гг. Вып. 1. С. 166, 169; Гуляева А. О. Материалы описания Кимрской дворцовой волости... С. 398–430; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Муром. Ед. хр. 11854. Л. 1049 об., 1123 об.

[63] Кашинская писцовая книга 1628–1629 гг. Вып. 1. С. 169; Гуляева А. О. Материалы описания Кимрской дворцовой волости... С. 427.

волости располагались в районе р. Печухты (Печухни) (в Белогородском стане) и в районе р. Медведицы (в Большой слободе Задубровской).

Заметим, что до 1640-х гг. здесь фиксировались реликты так называемой «децимальной организации»: деревенские десятки известны в Кимрской волости и за ее пределами в Большой слободе Задубровской[64]. Установлено, что до середины XVI в. территории Большой слободы Задубровской и будущего Белогородского стана (волости Белый Городок) были населены в основном слободчанами и черносошными крестьянами[65]. Верхнее и среднее течение р. Волги в рассматриваемом районе, в том числе устья р. Дубны и р. Кашинки, еще в первой трети XVI в. контролировалось княжеской администрацией[66]. Само с. Кимры в середине XVI в. являлось частью великокняжеского хозяйства. Как формировалась и изменялась в XVI в. территория Кимрской волости, достоверно пока неизвестно, однако появился повод поднять эту проблему.

4. Территория дворцовой волости в XVII в. представляла собой расположенный в нескольких станах хозяйственный комплекс с особым «ядром» и «периферией», легко отторгавшейся в силу слабых хозяйственных связей. В 1635 г. освоенная площадь волости сократилась примерно в два раза. Дальнейшие земельные приращения были более характерны для времени, когда волость находилась в частных руках, чем для периодов, когда она являлась дворцовым владением.

5. Несмотря на низкое сельскохозяйственное качество земель (по писцовым книгам, земля вокруг оценивалась как «худая» и «середняя»), многие предположительно отколотые от волости пустоши к 1670-м гг. получили новых владельцев, образовали крупные земельные дачи и были заселены крестьянами.

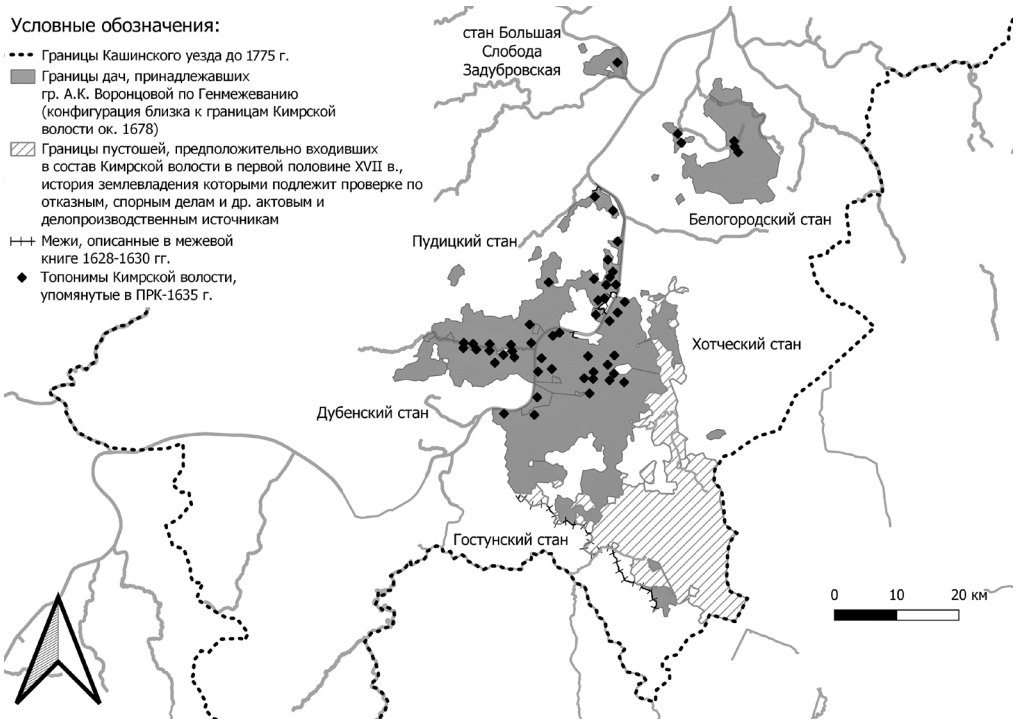

Рис. 11. Территория Кимрской волости в период до 1635 г.
Fig. 11. The territory of the Kimry *volost'* in the period before 1635

Цветом выделена территория волости в период после 1678 г., штриховкой — предположительно отделенные в пользу Приказа Большого дворца пустоши (по материалам реконструкции Ю. В. Готье и дополнительно выявленных архивных материалов)

[64] Кашинская писцовая книга 1628–1629 гг. Вып. 1. С. 169, 171, 173, 177, 179, 181, 183; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Муром. Ед. хр. 11853. Л. 746–751.

[65] Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений России. Л., 1969. С. 465.

[66] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи… С. 137–139; Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. М.; СПб., 2007. С. 43.

Организация хозяйства на этой территории в XVII в. сочетала консерватизм с адаптивностью. Доля дворцового хозяйства в локальной структуре землевладения постепенно сокращалась.

Заключение

Проведенная работа показала необходимость привлечения к историко-географическим реконструкциям широкого набора источников, дополняющего писцовые, межевые и переписные книги. Полученная реконструкция, как и две предыдущих, не является окончательной, т. к. к работе в полной мере не привлекались актовые и делопроизводственные материалы, межевые материалы соседних уездов, данные археологии и эпиграфики. В силу своей заведомой неполноты писцовые, межевые и переписные книги не позволяют решить всех задач историко-географического характера. Вместе с тем уже в сочетании с картографическими источниками книги полнее раскрывают свой потенциал и позволяют выявить скрытые за сплошным текстом особенности организации описываемого ими пространства. В этом смысле не только книга выступает источником для создания карты, но и картографирование в перспективе может являться одним из инструментов источниковедческого исследования писцовых книг.

Нанесение на карту поддающихся локализации топонимов Кимрской волости и ее окружения позволило сделать несколько выводов. В XVII в. волость не представляла собой сплошного пространственного массива, она имела анклавы и эксклавы, речные угодья занимали большую часть всего течения р. Волги в уезде. Дискретно расположенные поселения волости относились к шести различным станам; сама волость, очевидно, не представляла собой сопоставимой со станом административно-территориальной единицы, а имела в XVII в. значение хозяйственного комплекса. В течение XVII в. происходили сокращения и приращения его площади. Подробное изучение этих флуктуаций, а также внутренних и внешних хозяйственных связей дворцовой волости могло бы пролить свет не только на особенности организации дворцового хозяйства в Кашинском уезде в XVII в., но и — ретроспективно — на особенности его формирования. Рассмотренная дворцовая волость в начале XVII в. сохраняла некоторые реликты прежней организации хозяйства на своей территории, при этом активно трансформируясь под влиянием обстоятельств и отторгая то, в чем не испытывалось хозяйственной потребности. Основу жизни и хозяйства здесь составляла р. Волга, эксплуатирование ресурсов которой являлось ключевой специализацией волости по меньшей мере до середины XVII в.

References

Bakhrushin S. V. [Prerequisites for the All-Russian market in the 16th century]. *Bakhrushin S. V. Nauchnyye trudy* [Bakhrushin S. V. Scientific works]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1952, vol. 1, pp. 15–54. (In Russian).

Bogdanov S. V. [Kashinsky uezd in the first quarter of the XVII century: territory]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Vestnik of Tver' State University. Series: "History"], 2021, no. 4 (60), pp. 114–127. EDN: CWVSCY. DOI: 10.26456/vthistory/2021.4.114-127 (In Russian).

Bulgakov M. B., Barsukova A. V. [Governmental falconers in Russia in XVII century]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law], 2017, no. 1, pp. 54–65. EDN: YITRPB. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.1.07 (In Russian).

Florya B. N. ["Service organization" among the Eastern Slavs]. *Etnosotsial'naya i politicheskaya struktura rannefeodal'nykh slavyanskikh gosudarstv i narodnostey* [Ethnosocial and political structure of early feudal Slavic states and peoples]. Moscow: Nauka Publ., 1987, pp. 143–145. (In Russian).

Frolov A. A., Piotuh N. V. *Istoricheskiy atlas Derevskoy pyatiny Novgorodskoy zemli XV v.* [Historical atlas of the Derevskaya pyatina of the Novgorod land of the 15th century]. Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ., 2008. (In Russian).

Gulyaeva A. O. [Changes in the boundaries and composition of the Inaltsevskaya palace stable volost of the Kashin district in the 17th century]. *Nikol'skiye chteniya 2021–2022* [Nikolskie readings 2021–2022]. Moscow: Antey Publ., 2023, pp. 227–240. (In Russian).

Gulyaeva A. O. [Description materials of the Kimry palace volost of the 70s of the 16th century]. *Ocherki feodal'noy Rossii* [Essays on feudal Russia]. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ., 2023, iss. 22, pp. 379–525. (In Russian).

Gulyaeva A. O. [Where was the "Zhukopovsky camp" ("The sovereign's palace Zhukopskaya volost") of the Rzhevsky district located?]. *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXVI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem. Moskva, 4–5 aprelya 2024 g.* [Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: Proceedings of the 36th All-Russian sci. conf. with international participation. Moscow, April 4–5, 2024]. Moscow: IVI RAN Publ., 2024, pp. 117–119. (In Russian).

Indova E. I. *Dvortsovoye khozyaystvo v Rossii. Pervaya polovina XVIII v.* [Palace economy in Russia. First half of the 18th century]. Moscow: Nauka Publ., 1964. (In Russian).

Kashtanov S. M. *Finansy srednevekovoy Rusi* [Finances of Medieval Rus']. Moscow: Nauka Publ., 1988. (In Russian).

Komkov A. M. [Achievements of Soviet cartography over 30 years]. *Voprosy geografii* [Questions of geography]. Moscow: GEOGRAFGIZ Publ., 1949, iss. 11: Cartography, pp. 3–38. (In Russian).

Koretsky V. I. [The situation in the Russian village and serfdom legislation at the beginning of the 17th century]. *Sotsial'no-politicheskoye i pravovoye polozheniye krest'yanstva v dorevolyutsionnoy Rossii* [Socio-political and legal status of the peasantry in pre-revolutionary Russia]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta Publ., 1983, pp. 50–65. (In Russian).

Nosov N. E. *Stanovleniye soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdeniy Rossii* [Formation of estate-representative institutions of Russia]. Leningrad: Nauka Publ., 1969. (In Russian).

Pavlov A. P. *Dumnyye i komnatnyye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoye issledovaniye* [Duma and chamber people of tsar Mikhail Romanov: A Prosopographical study]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2018, vol. 2. (In Russian).

Pomerantsev M. S. [Features of the palace economy in Dmitrov]. *Moskovskiy krayeved* [Moscow regional historian], 1928, iss. 5, pp. 3–8. (In Russian).

Prokofieva L. S. *Krest'yanskaya obshchina v Rossii vo vtoroy polovine XVIII — pervoy polovine XIX v. (na materialakh votchin Sheremetevykh)* [Peasant community in Russia in the second half of the 18th — first half of the 19th century (Based on materials from the Sheremetev estates)]. Leningrad: Nauka Publ., 1981. (In Russian).

Samoshenko V. N. *Istoricheskiye arkhivy Moskvy i Peterburga (XVIII — nach. XX v.)* [Historical archives of Moscow and St. Petersburg (18th — early 20th centuries)]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. zaochnogo politekh. in-ta Publ., 1990. (In Russian).

Selin A. A. *Istoricheskaya geografiya Novgorodskoy zemli v XVI–XVIII vv.: Novgorodskiy i Ladozhskiy uyezdy Vodskoy pyatiny* [Historical geography of the Novgorod land in the 16th–18th centuries: Novgorod and Ladoga districts of the Vodskaya pyatina]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2003. (In Russian).

Sokolova N. V. ["Typical" order to the clerk of the palace villages during the era of Alexei Mikhailovich]. *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 2002 god* [Archaeographic yearbook for 2002]. Moscow: Nauka Publ., 2004, pp. 400–430. (In Russian).

Sokolova N. V. *Nizhegorodskaya dvortsovaya derevnya XVI–XVIII vekov* [Nizhny Novgorod palace village of the 16th–18th centuries]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2021. (In Russian).

Sukhanov A. Z. *Byvshiye vladel'tsy sela Kimry* [Former owners of the village of Kimry]. Kimry: Kimrskaya tipografiya Publ., 1997. (In Russian).

Varentsova L. Yu. *Dvortsovyye zemli v Rossii v XVII v.: upravleniye, khozyaystvo, pravovoye polozheniye naseleniya: dokt. dis.* [Palace lands in Russia in the 17th century: management, economy, legal status of the population: Diss. Doct.]. Saransk, 2021. (In Russian).

Vitov M. V. [Methods of compiling maps of settlements of the 15th–17th centuries based on data from land registers and census books (Using the Shungsky pogost of the Obonezhskaya pyatina as an example)]. *Problemy istochnikovedeniya* [Problems of Source studies]. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk

SSSR Publ., 1956, [iss.] 5, pp. 231–264. (In Russian).

Zaozersky A. I. *Tsar' Aleksey Mikhaylovich v svoyem khozyaystve* [Tsar Alexei Mikhailovich on his farm]. Petrograd: Nauchnoye delo Publ., 1917. (In Russian).

Zimin A. A. [New documents on the history of local self-government in Russia in the first half of the 16th century]. *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1965 g.* [Archaeographic yearbook for 1965]. Moscow: Nauka Publ., 1966, pp. 342–353. (In Russian).

К статье А. О. Гуляевой

Рис. 3. Фрагмент чертежа 1691 г. с изображением вотчины Московского Вознесенского монастыря с. Зятьково с деревнями и пустошами

Fig. 3. Fragment of the 1691 drawing depicting the patrimony of the Moscow Ascension Monastery in Zyatkovo with villages and wastelands

К северу от д. Волдынь (1) над межей с подписью «межа писцовая от реки Дубны по урочищам до речки Ситмежа и до Парсубужа» (2) подпись: «земли и лес и пустоши с. Кимры» (3)

Источник: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стб. Муром. Ед. хр. 36466. Л. 121–122

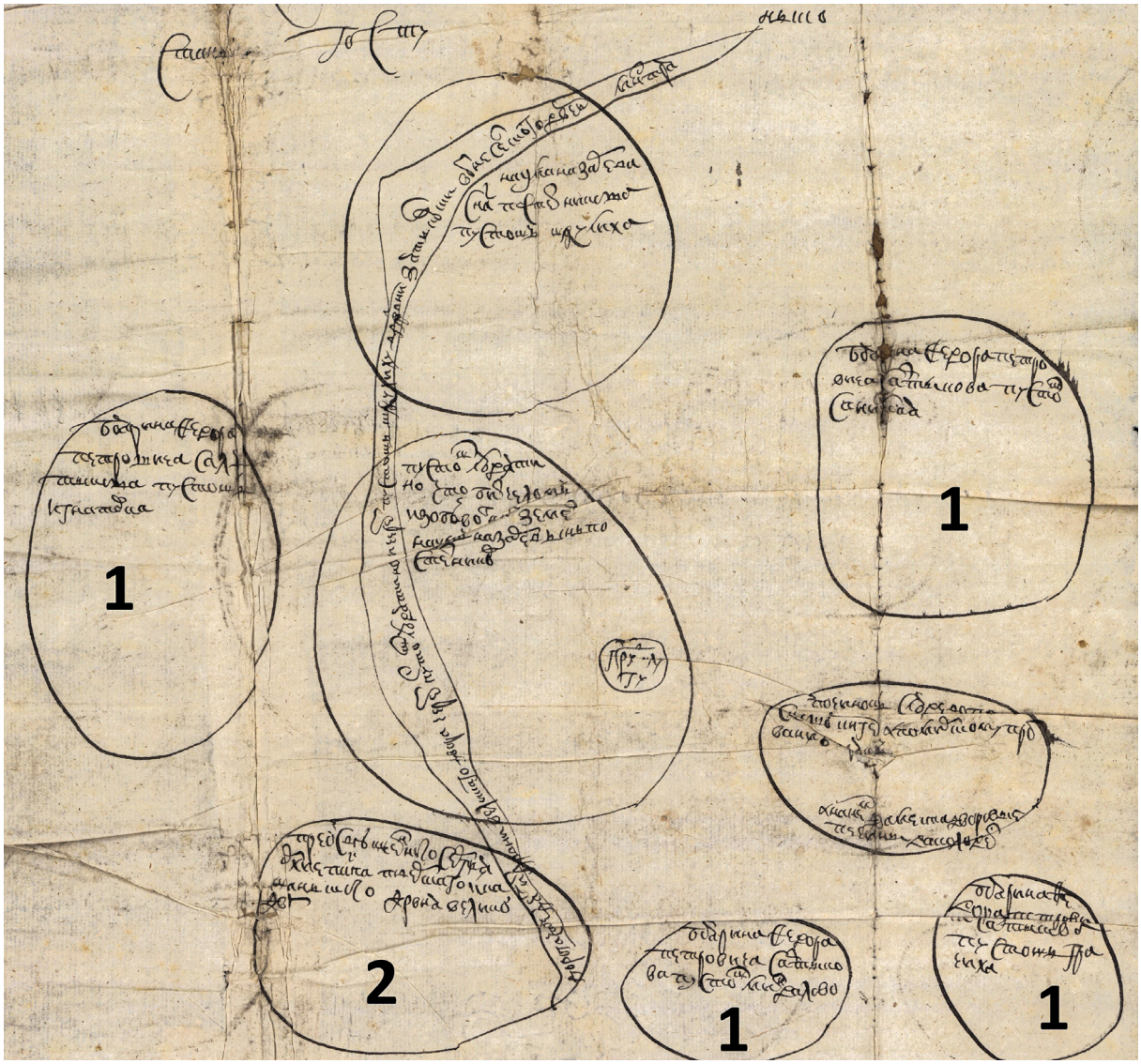

Рис. 4. Фрагмент чертежа 1694 г. с изображением пустошей Кимрской волости вотчины боярина Ф. П. Салтыкова (1) по обеим сторонам от деревни Великий двор владения Сергия, архиепископа Тверского и Кашинского (2)

Fig. 4. Fragment of the 1694 drawing depicting the wastelands of the Kimry *volost'* (1 — the patrimony of the boyar F. P. Saltykov) on both sides of the village of Velikiy Dvor, the patrimony of Sergiy, the Archbishop of Tver' and Kashin (2)

Источник: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стб. Муром. Ед. хр. 37090. Л. 92